

раслями производства и отраслями, обслуживавшими мореплавание и торговлю. Поэтому кризис отношений с заморскими территориями, естественно, вызвал осложнения в городской экономике и падение доходов городских слоев.

Эти сложности усугублялись ростом налогов — явлением, тоже типичным для многих стран Европы в то время, а в Испании усиленным участием ее (и поражениями) в Тридцатилетней войне. В период 1621—1640 гг. резкое увеличение налогов задело интересы даже привилегированных слоев. Были введены новый полугодовой налог на соль, налог на мелкие сделки, который больно ударил по всем, но особенно по низшим слоям городского населения. Распространение этого последнего на духовенство вызвало его откровенное недовольство Мадридом. Кроме того, испанское правительство решило удерживать четвертую часть доходов со всех рент короны и доходных должностей¹. Мотивацией введения новых налогов служила необходимость защиты португальских заморских владений — Индии, Бразилии. Однако постоянные неудачи в этой области, продолжавшиеся нападения на португальские эскадры голландцев, утрата Баии — крупной области в Бразилии создавали в Португалии ощущение бессмысленности этих затрат, а ухудшение положения страны и налоговый гнет воспринимались как следствие кастильского господства.

Накопившееся в обществе недовольство отчетливо выразилось в сочинениях и трактатах, с 20-х годов начавших появляться и в Португалии, и за ее пределами. Общим для них было стремление решить вопрос о правомерности, законности и полезности унии Португалии с Испанией². В кругах образованных клириков, университетских преподавателей возникают и получают широкое признание так называемые «Акты кортесов в Ламегу» — фальсифицированный документ якобы XII в., устанавливавший правила наследования португальского престола и правомерность выборов короля «народом», что содержало явный намек на незаконность присвоения португальского трона испанским королем.

Эти трактаты питались, разумеется, не только учеными изысканиями. Взоры португальских дворян все чаще обращались к герцогу Браганскому — наиболее вероятному из соперников Филиппа, отпрыску боковой ветви португальского королевского дома.

Королевской пышностью отличался прием герцога в 1635 г. в Эворе. Его приветствовали ректор университета и прелаты, в его честь отслужили в главном соборе города